

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЕРМАН

1

Кинорежиссер Герман Графов лежал в постели, курил и сердито переговаривался со своей любовницей Галиной.

— Нет, ну ты подумай, — жаловался Герман, — куда ни плюнь — всюду статьи об этом «Воскресении»! И причем все — хвалебные... Ну хоть бы один какой-нибудь писака вывалял это ничтожное «Воскресение» в грязи... Так ведь нет же — поют дифирамбы! «Удачное переложение классики»... «Герои Толстого предстают на экране как живые»... Ты представляешь: как живые! Как будто они хоть когда-нибудь были живыми, эти самые персонажи... А уж в фильмах Жнейцера живых людей попросту не бывает, о чем бы он ни снимал! У него одни только безликие манекены — всегда, везде...

— Ну перестань, перестань, — попыталась успокоить Германа Галина. — Мало ли что пишут... Это еще ни о чем не говорит. Думаешь, публике охота смотреть такую скучищу?

— Разумеется, неохота, — согласился Герман. — Это же худшее произведение Толстого!

Абсолютно вымученное, ничтожное, никчемное... Такая тягомотина, что просто на зубах вязнет... Подобную ерундистику только Жнейцеру и снимать...

— Вот видишь! — негромко воскликнула Галина.

Но Герман продолжал возмущаться:

— Если бы за успех у нас отвечал только зритель, я бы и внимания не обратил на это паскудное «Воскресение». Но ведь это не так! У нас же все шиворот-навыворот, сама знаешь... Кого партия одобрит, тот и в дамках...

— Ну уж, — усомнилась Галина. — Какое дело партии до экранизаций допотопных романов...

— Не скажи, не скажи, — покачал головой Герман. — Партия, видишь ли, печется о престиже нашей страны, особенно за рубежом. Как бы в наших газетах ни клеймили Запад, на деле партия только и ждет, как бы на этом самом Западе прогреметь... И не важно с чем: с балетом, с космосом... или вот с трупом Льва Толстого...

Галина хмыкнула:

— Хочешь сказать, они это «Воскресение» за рубеж отправят?

— Как пить дать, — скривился Герман. — И по фестивалям разошлют, и в прокат продадут. В европейский, а может, и в американский...

— Да ладно! — отмахнулась Галина. — Уж там это тем более никому не интересно.

— Ошибаешься, — сказал Герман. — В Европе, видишь ли, немало снобов. И, в отли-

ХЛОПУШКА С ПРИЦЕЛОМ

чие от наших московских, снобы европейские не просто рассуждают о своей причастности к так называемой высокой культуре. Они эту самую культуру еще и потребляют. Давятся, насилуют себя — но все же потребляют. В частности, исправно ходят на премьеры определенных фильмов. Обычно тех, которые снимают Бергман, Феллини, ну и другие такие же заумные модернисты... Помнишь, мы в Доме кино смотрели «Дорогу» этого самого Феллини?

— Помню, — усмехнулась Галина. — Такая тоска...

— Вот именно, — подтвердил Герман. — Но тем не менее эта картина прославилась на весь мир. И славу ей сделали как раз эти кретины-снобы...

— Ну хорошо, — перебила Галина, — а наш Жнейцер-то здесь при чем? Неужели европейские снобы и его смотрят? Я удивлюсь, если они хотя бы знают о его существовании...

— Разумеется, не знают, — отвечал Герман. — Но зато знают о существовании Достоевского и Толстого. Они их даже, представь себе, читают! В отличие от нашей доморощенной интеллигенции, которая не читает ничего, кроме «Нового мира»...

— Наши еще самиздат читают, — вставила Галина.

— Да, случается, — не стал спорить Герман. — Но в самиздате Достоевского и Толстого не печатают. Они же у нас и так изданы — официально.

Причем огромными тиражами. И потому тупой нашей интеллигенции Толстой и Достоевский неинтересны. Чуть менее тупой европейской интеллигенции Лева с Федей тоже до лампочки, но тем не менее их там читают... Вообще, все, что европейцы знают о России, они почерпнули у этих двух писателей...

2

Любовники замолчали.

— Нет, ну почему же так? — произнесла вдруг Галина. — Ведь наши с тобой фильмы гораздо лучше, интереснее, талантливее того, что снимает Жнейцер и ему подобные...

— А ты бы объяснила это Комиссии по определению категорий, — горько усмехнулся Герман. — Они ведь неизменно присуждают мне вторую категорию! А жнейцерам — завсегда первую, какую бы паршивую дрянь они ни выдавали...

— Все-таки почему же так происходит? — не успокаивалась Галина. — Должно ведь быть какое-то объяснение...

— Тут много всего, — поморщился Герман. — Прежде всего, жнейцеры — конъюнктурщики. Я-то снимаю только то, что лично мне нравится, а они, понимаешь, — то, что понравится начальству...

— Неужели начальству может понравиться такая чепуха, как «Воскресение»? — недоуменно сказала Галина.

ХЛОПУШКА С ПРИЦЕЛОМ

— Опять ты за свое, — вздохнул Герман. — Говорю же: никому это не может понравиться. Но поскольку это Лев Толстой, начальство делает вид, что им нравится... Жнейцеры знают это, вот и экранизируют всех подряд: всех этих устаревших толстых, лермонтовых, гончаровых...

— Печориных, — вставила Галина.

— Не смешно, — угрюмо посмотрел на нее Герман.

— Ну, а почему бы и тебе чего-нибудь не экранизировать? — предложила Галина, наклонив голову.

— Да я пытался, — напомнил Герман. — Но ведь все уже разобрано! Паразиты подсутились — на годы вперед забронировали решительно всю классику. «Войну и мир» забрал Бондарчук, «Преступление и наказание» — Кулиджанов, «Даму с собачкой» — Хейфиц... Даже смехотворные «Двенадцать стульев» — и те уже заняты Гией Данелией...

— Единственным талантливym из тобой перечисленных, — заметила Галина. — Ну, а мы-то с тобой в этом году что будем снимать?

— Не знаю пока, — процедил Герман и нервно зажег очередную сигарету. — Я уже пять сценарных заявок подал. Ни одна пока не одобрена... Да даже если и одобрят... Что дальше? К чему это приведет? Ну, сниму я еще одну картину. Ей опять дадут вторую категорию, и никто ее толком не увидит... А жнейцеры продолжат варганить свои дефективные «Воскресения»... И так всю жизнь.

— Неужели это никак нельзя изменить? — простонала Галина.

— Пока живы жнейцеры? — фыркнул Герман. — Исключено!

— Живы, говоришь, — повторила Галина. — А тогда знаешь что — убей Жнейцера!

— А что, это мысль, — хмыкнул Герман, выпуская дым из обеих ноздрей. — Очень неплохо было бы прикончить этого паразита... Только вот как?..

— Отрави его, — хихикнула Галина.

— Как Катя Маслова отравила купца? — усмехнулся Герман.

— Какая Катя? — не поняла Галина.

— Ну, эта, из «Воскресения»...

— А-а, — протянула Галина. — Что ж, вот именно так его и отрави. Поступи с ним, вдохновившись, так сказать, его же опусом.

— Гм, — только и произнес Герман, после чего надолго задумался.

Когда Галина уснула, он встал и, не включая свет, взял с полки томик Толстого. Герман помнил, что роман «Воскресение» находится в предпоследнем томе имеющегося у него собрания, поэтому не ошибся и выбрал на ощупь нужную книгу.

Затем Герман пошел на кухню, зажег там свет, присел, закурил и стал листать книгу.

Дойдя до интересующего его места, он стал жадно читать:

«...По возвращении Смелькова из дома терпимости в гостиницу “Мавритания” вместе с про-

ХЛОПУШКА С ПРИЦЕЛОМ

ституткой Любкой сия последняя, по совету коридорного Картинкина, дала выпить Смелькову в рюмке коньяка белый порошок, полученный ею от Картинкина...»

3

Следующим вечером кинорежиссер Жнейцер, уютно устроившийся в кресле за чтением журнала «Новый мир», услышал звонок в дверь.

«Кто бы это мог быть?» — недоуменно хмыкнул про себя Жнейцер и пошел открывать.

За порогом стоял его коллега Графов.

Жнейцер невольно поморщился. К Графову он относился с тщательно скрываемым презрением.

Однако врожденная деликатность заставила Жнейцера сделать вид, что он слегка даже обрадовался нежданному гостю.

— Г-герман? — с заминкой выговорил хозяин. — Какими судьбами? Ну что ж, проходи...

Герман вошел, закрыл за собой дверь и только потом сказал:

— Привет, Мойша!

Жнейцер снова недовольно поморщился. Он не любил, когда ему напоминали о его еврействе. Тем более что он давно сменил свое первоначальное имя Моисей на Михаил. А тут вдруг этот бесцеремонный Графов зачем-то напоминает об этом. Да еще с такой фамильярностью...

Но и в этот раз Жнейцер заставил себя промолчать. «В конце концов, я ведь действительно Мойша, — подумал он. — Именно так меня звали в детстве. А Графов... как бы я к нему ни относился, все-таки коллега. А у нас, режиссеров, чрезмерно церемониться в общении друг с другом не принято...»

— Здравствуй, Герман, — с запозданием ответил Жнейцер на приветствие Графова. — Так какими, говорю, судьбами?

— А ты как думаешь? — усмехнулся Герман и зачем-то подмигнул хозяину.

Жнейцер вконец растерялся:

— Да я, право, не знаю, что и думать... Ты скажи лучше прямо...

— Ну и скажу, — вновь усмехнулся Герман. — Чего здесь темнить-то? Я всего-навсего пришел поздравить тебя с успешной картиной.

— Да что ты? Seriously? — не поверил Жнейцер. Он впервые сталкивался с тем, что режиссер настолько радуется успеху коллеги, что даже приходит к нему домой сообщить об этом. «Нет, здесь что-то не так», — подумалось Жнейцеру. А вслух он добавил: — Впрочем, это разве такой уж успех?..

— Еще какой! — воскликнул Герман. — Вон — во всех газетах о тебе статьи...

— Ну, это еще ни о чем не говорит... — скромно пробормотал Жнейцер.

— Говорит, говорит, — уверил Герман. — Тебя еще и на фестиваль как пить дать пошлют. В Канны и в остальные тому подобные места...

ХЛОПУШКА С ПРИЦЕЛОМ

— Да ладно, — махнул рукой Жнейцер. — Ты уж, Герман, не преувеличивай...

— Может, поспорим? — предложил Герман.

Но спорить Жнейцер не стал. Он вдруг спохватился, что даже не предложил гостю сесть:

— А чего же мы стоим, не понимаю прямо... Пойдем, что ли, на кухню, чаю выпьем.

— Охотно, — обрадовался Герман.

Пока Жнейцер кипятил воду и заваривал чай, отлучившийся вымыть руки Герман вдруг вернулся с двумя бокалами, доверху наполненными чем-то темно-янтарным.

Жнейцер вновь испытал неудовольствие: «Зачем же он без спросу взял бокалы? Мог бы и меня попросить... У него совсем никаких манер. Впрочем, хорошо, что он вроде бы ничего не разбил там, в комнате. С него бы это случилось...»

— Сюрприз, — пропел тем временем Герман.

— Что это? — хмыкнул Жнейцер, кивая на содержимое бокалов.

— Коньяк! — триумфально воскликнул Герман.

— Вот как? — приподнял брови Жнейцер. — Я вообще-то не...

— Давай-давай, — поставив бокалы на стол, Герман хлопнул Жнейцера по плечу. — Сегодня надо. Не каждый день из недр «Мосфильма» выходят такие махины, как твое «Воскресение»...

Жнейцер хотел было возразить, что его картина вышла уже много дней назад, но опять промолчал и послушно сел за стол.

4

Герман тоже сел и торжественно поднял свой бокал.

Жнейцер вяло откликнулся, и коллеги чокнулись.

— До дна! До дна! — настаивал Герман, глядя, как Жнейцер чуть ли не с отвращением цедит его коньяк.

Жнейцер пересилил себя и допил-таки до дна. Затем выдохнул, вытер тыльной стороной ладони губы и изможденно посмотрел на Германа.

— А ты чего же? — кивнул он на бокал Германа, заметив, что тот к коньяку даже не притронулся.

— Я — сейчас, — ответил Герман, после чего поднял свой бокал и зачем-то посмотрел его на свет.

И тут же в один миг опустошил его.

После выпивки Герман заметно повеселел, тогда как Жнейцер, наоборот, несколько поник. Он сидел недвижно и глядел на гостя осоловелыми глазами.

— А какие у тебя, Мойшенька, творческие планы? — вдруг задушевно спросил Герман.

— Да вот, — произнес Жнейцер после паузы, — Катаева думаю поставить.

— Иди ты! — присвистнул Герман. — Неужто «Цветик-семицветик»?

— Нет, — поморщился Жнейцер. — Это... как его... «Время, вперед!».

ХЛОПУШКА С ПРИЦЕЛОМ

— Ясно, — хмыкнул Герман. — К пятидесятилетию Октября хочешь поспеть?

— Зачем? — возразил Жнейцер. — Я и раньше успею... До этого самого юбилея сколько еще...

— Ну, а непосредственно к юбилею еще чего-нибудь в таком духе снимешь? — усмехнулся Герман. — «Оптимистическую трагедию» там какую-нибудь...

— Да нет, — помотал головой Жнейцер. — Это мне как раз не нравится... Тем более Самсонов уже ставит... С Володиной своей, как всегда...

— Ну и что же? — неодобрительно отвечал Герман. — Я вот тоже Гортензи постоянно снимаю. Тебя и этот факт не устраивает?

— Нет, отчего же... — немного смутился Жнейцер.

— И потом, что значит «не нравится»? — хмуро продолжал Герман. — «Время, вперед!» тебе, что ли, нравится? Или «Воскресение» твое треклятое?

— Позволь, — начал возражать Жнейцер. — Я вообще всегда берусь только за то, что лично меня... Ой! — внезапно воскликнул режиссер. — Что это со мной?..

— Да, что с тобой? — осведомился Герман, почему-то улыбаясь.

— Плохо мне как-то. — Жнейцер схватился за живот. — Не надо было пить, наверно...

— Мне же нормально, — пожал плечами Герман.

— Видно, ты привычный... Слушай, мне правда ужасно... Все хуже становится... Надо «Скорую» вызвать...

— Не надо! — отрезал Герман. — Поздно уже.

— То есть как это? — не понял Жнейцер, бросив взгляд на наручные часы.

— Я имею в виду: тебе уже никто не поможет, дражайший Мойша, — любезно пояснил Герман.

У Жнейцера задрожали губы:

— О ч-чем это ты г-говоришь?

— А ты еще не догадался? — удивился Герман. — Я ведь тебя отравил, друг мой ситный.

— Чем?! — в ужасе воскликнул Жнейцер. Он попытался привстать, но у него не получилось.

— Крысиным ядом, — хладнокровно отвечал Герман.

— Кошмар какой! — не поверил своим ушам Жнейцер. — За что же? За что?

— Ты мой конкурент, — сознался Герман. — Только за это.

— Конкурент? В чем? В каком смысле? — ничего не понимал режиссер.

— О тебе столько пишут, — напомнил Герман. — А обо мне — ни строчки. Не будь тебя, писали бы обо мне...

— Да с чего ты взял? — прохрипел Жнейцер.

— Не знаю, может, я и заблуждаюсь, — пожал плечами Герман. — Но ведь назад уже все равно не переиграешь...

ХЛОПУШКА С ПРИЦЕЛОМ

— Отравить? Меня? — все сокрушался умирающий Жнейцер. — Мне такое... и в голову никогда... прийти не могло...

— Ну, а мне вот пришло, — усмехнулся Герман. — И знаешь, ты сам меня вдохновил...

— Чего-о? — взревел Жнейцер.

— Ну как же, твоя любимая Катя Маслова тоже ведь была отравительницей. Я вдохновился этим любовно изображенным тобою светлым образом и отправился, фигурально выражаясь, по Катиным стопам...

— Маслова никого не травила, — из последних сил выдавил Жнейцер, после чего замертво рухнул лицом в стол.

— О чем это он? — недоуменно произнес озадаченный Герман.

5

— Поздравь меня, — этим же вечером рассказывал Герман Галине, — я отравил Жнейцера!

— Как? — ахнула Галина. — Ты что — серьезно?

— Ну конечно, — сказал Герман. — Небось уже завтра некролог напечатают... И после этого мы о Жнейцере не прочитаем уже никогда...

— Герман, ты шутишь? — испуганно посмотрела на него Галина. — Ну скажи, пожалуйста, что ты шутишь...

— Нет, — совершенно серьезно ответил Герман. — Я не шучу.

— Какой ужас! — прошептала Галина.

— Позволь, Галя, — нахмурился Герман, — ведь ты сама мне это посоветовала...

— Я?! — удивилась Галина.

— Ну да, вчера. Забыла, что ли?

— Герман, Герман... — простила Галина. — Я ведь это не всерьез... Я пошутила просто!

— Да? — осекся Герман. — А мне показалось, ты говорила на полном серьезе.

— Как же ты мог так меня понять... вернее, не понять? — мотала головой Галина.

— Получается, неправильно понял, — вздохнул Герман. Но тут же снова оживился: — Хотя, знаешь, я ни о чем не жалею! Этого паразита следовало проучить, и я его проучил.

— Но что это тебе дало? — тихо спросила Галина.

— Во-первых, моральное удовлетворение, — отвечал Герман.

— А во-вторых?

— Во-вторых, у меня только что стало одним конкурентом меньше! — торжественно воскликнул Герман.

— Всего одним, — подчеркнула Галина. — Боюсь, мы с тобой этого даже не почувствуем.

— А мне кажется, почувствуем, — не согласился Герман. — Сама подумай: о чем стали бы писать эти газетчики, если бы не было Жнейцера и его дурацкого «Воскресения»? Тогда, может, и обо мне бы написали...

— Почему сразу о тебе? — возразила Галина. — Они ведь не только о Жнейцере пишут. Еще часто о Мумунине, Хучрае, Хвостокком...

ХЛОПУШКА С ПРИЦЕЛОМ

— Что ж, — Герман побарабанил пальцами по спинке кровати, — со временем можно будет и от них избавиться...

— Герман! — взмолилась Галина.

— Ну что «Герман»? Ты еще скажи, что тебе их жалко!

— Мне тебя жалко. Я не хочу, чтобы мой любимый человек оказался в тюрьме. А то и в могиле. Ведь за убийство у нас расстреливают, не правда ли?

— Да, но на меня никто не подумает, — убежденно сказал Герман.

— Откуда такая уверенность? — с сомнением посмотрела на него Галина.

— Просто потому, что не подумают! Даже возникни у кого такая мысль, он от нее отмахнется. Только скажет про себя: да нет, этого не может быть, потому что не может быть никогда...

— Но почему не может-то? — не понимала Галина.

— А кто такие убийцы? — отвечал Герман. — Обычно те, кто живет на горьковском дне. Опустившиеся, спившиеся, необразованные люди. Третий сорт. И уж конечно не имеющие никакого отношения к искусству и творчеству. Творческие личности не убивают — это всем известно...

— Но ведь ты творческий... — прошептала Галина.

— Правильно! — подтвердил Герман. — Именно потому на меня не подумают! Я мало

того что творческий — я режиссер! А режиссеры режиссеров не убивают — такого не было никогда и нигде! Я стану тем единственным в этой трусливой братии, кто отважился на подобное!

— Герман, я всегда знала, что ты — исключительный человек. — Галина, расчувствовавшись, обняла любовника и прижалась к его плечу.

— А ты, Галя, — не менее исключительная женщина, — удовлетворенно ответил Герман.

6

Герман Графов работал на «Мосфильме» несколько лет. И все эти годы коллеги удивлялись, как это он умудряется так долго здесь держаться.

Дело в том, что картины, снятые Германом, общепризнанно считались наихудшей продукцией «Мосфильма». Всякий раз, когда принимали очередную работу Германа, начальству не оставалось ничего другого, как присвоить ей вторую категорию. Это означало, что фильм будет напечатан ничтожным числом копий и выпущен в недолгий прокат лишь в маленьких провинциальных кинотеатрах. Для периферии, мол, и такая чепуха сгодится...

Неудивительно, что о режиссере Графове слыхом не слыхивали даже самые большие любители советского кино. О нем никогда нигде не писали, его фильмов почти никто не видел... Словом, выходило так, будто бы и вовсе не существовало такого кинорежиссера.

ХЛОПУШКА С ПРИЦЕЛОМ

А вот в личной жизни Герману очень повезло. Еще во время съемок своего дебюта (кинокомедии «Забавные заботы») он познакомился с начинающей актрисой Галиной Гортензи, недавней выпускницей ВГИКа.

Гортензи было Галининым псевдонимом. Настоящая же ее фамилия была до обидного простецкой — Горина. Галина стыдилась ее с детства...

«Забавные заботы» и для Галины стали дебютом в кино. Уже через неделю съемок Герман и Галина стали любовниками и с тех пор не расставались. Расписываться они не спешили, считая, что их любовь не нуждается в таких условностях, как бюрократический штамп в паспорте...

Разумеется, Галина снималась и во всех последующих фильмах Германа. Но ни у одного другого режиссера она ни разу не сыграла даже в эпизоде. Ибо после «Забавных забот» весь «Мосфильм» дружно уверился в том, что Галина — феноменально никудышная актриса.

При этом никто не оспаривал общего убеждения, что Галина была редкой красавицей. Про нее говорили, что она — самый убедительный пример того, что одной только внешности, фактуры для актерской работы в кино недостаточно.

Учитывая все вышесказанное, нетрудно догадаться, что Герман и Галина стали на студии нарицательной парой. Режиссеры сходились на том, что даже самый творчески слабый из них выглядит Эйзенштейном на фоне Графова с его

жалкими киноподелками. Актеры столь же дружно дивились на катастрофическую неспособность к игре Галины Гортензи.

— И как только она ВГИК закончила? — разводили они руками.

— А ее хахаль — как?! — усмехались им в ответ. — Нет, очень еще у нас все это не налажено в учебных заведениях. Принимают в искусство буквально кого попало...

— Да и что это, с позволения сказать, за псевдоним — Гортензи? — злословили третьи. — Вы хоть весь Союз обойдите, такой безвкусицы даже в самом задрипанном театрике не встретите...

В конце концов, Германа и Галину за глаза стали звать Графом и Гортензией. Делали даже такие предположения:

— Граф еще кое-как держится, покуда Гортензия молода. А как она начнет вянуть — капут им обоим. Поганой метлой эту парочку из кино выметут!

— Вы это серьезно? — озадаченно спрашивали другие. — Считаете, что Графа терпят из-за его пресловутой Гортензии? Она ведь ничего не умеет!

— Ну, на нее, по крайней мере, смотреть приятно. Пока еще...

Впрочем, и эти разговоры понемногу сошли на нет. К тому времени, как Герман отравил Жнейцера, о Графе и его Гортензии уже никто не вспоминал. На «Мосфильме» их попросту не замечали.

Даже перестали выражать дежурное недоумение: дескать, и как это они до сих пор здесь держатся?..

Герман знал это и считал, что данное обстоятельство послужит еще одной страховкой в той преступной миссии, какую он на себя взял. На него никто не подумает еще и потому, что о нем в принципе никто никогда не задумывается!

Однако своей возлюбленной Галине Герман нипочем бы в этом не признался...

7

Через две недели после смерти Жнейцера Герман объявил своей любовнице:

— Галочка, скоро у нас будет еще одним конкурентом меньше... Я такой план разработал — закачаешься!

— Снова убийство? — побледнела та.

— Не убийство, — серьезно поправил Герман. — А справедливое деяние. Они уже все вдоволь насладились успехом. Надо и другим дорогу дать. Например, нам с тобой...

— Ну, а если у нас все-таки тоже будет успех... — начала Галина, но Герман перебил ее:

— Не «если», а обязательно будет!

— Хорошо, — кивнула Галина, — пусть так. Я о чем хочу сказать: когда у нас будет успех, кто-нибудь ведь и на наш счет может так же решить... То есть так, как мы решили насчет Жнейцера. Мол, Графов с Гортензи получили свое — пускай-ка теперь подохнут...

— Брось, — поморщился Герман. — Никому, кроме нас, такое и в голову не придет.

— Ну, а все-таки? — настаивала Галина.

— Если придет, — хмыкнул Герман, — то, знаешь, я роптать не буду. Справедливость превыше всего. Тем более в нашем социалистическом обществе. Если б мы в капстране какой жили, я бы не боролся за это... Но поскольку мы, к счастью, в Советском Союзе... Словом, если нас захотят убрать с дороги другие Герман с Галиной, я соглашусь. Но при одном условии: прежде мы все же должны будем с тобой пожать свой успех!

— Что пожать? — переспросила Галина.

— Лавры. Они же плоды. Но до этого еще далеко. У нас пока только вторая жертва намечена.

— Так-так, — заинтересовалась Галина. — И кто же это?

— Тефин! — воскликнул Герман.

— Я о таком и не слышала, — пожалала Галина плечами. — Он что, успешный?

— Очень, — сказал Герман. — Вот ты скажи мне: какой сейчас в Москве самый популярный фильм? Да что там в Москве — во всем Союзе! Так какой же?

— Не знаю, право, — задумалась Галина. — «Воскресение»?

— Да нет, — поморщился Герман. — Это только у горе-критиков наших популярно. А я же говорю: у народа.

— Тогда «Алые паруса», — предположила Галина.

ХЛОПУШКА С ПРИЦЕЛОМ

— Не думаю, что это слишком нравится народу, — покачал Герман головой. — Для толпы даже Грин — довольно сложный писатель.

— А кто ж тогда простой? — хмыкнула Галина. — Дюма разве... А, поняла: «Граф Монте-Кристо» сейчас самый популярный!

— Да, — согласился Герман. — Но это французский. Зарубежных режиссеров я в расчет не принимаю. Нам бы со своими разобраться...

— Ой, ну я прямо не знаю, что там еще сейчас смотрят, — покачала головой Галина. — Тем более из нашего... «Осторожно, бабушка!», что ли, какая-нибудь? Помнишь, с Раневской... Мы с тобой видели.

— Помню, — подтвердил Герман. — Это Кошеверова снимала... Женщин я, кстати, не собираюсь трогать.

— Это делает тебе честь, — одобрила Галина. — Так, ну что же там еще-то осталось?.. — Она стала перечислять: — «Карьера Димы Горина», «Тучи над Борском», «Полосатый рейс»...

— Вот! — громко воскликнул Герман, подняв кверху указательный палец.

— Что — «Полосатый рейс»?

— Ну конечно, — весело подтвердил Герман. — Что же еще? Самая знаменитая кинокомедия сейчас! А снял ее Тефин.

— И поэтому его надо... — несмело начала Галина.

— ...убить, — решительно закончил Герман.

— И как же?

— А вот послушай.

И Герман придвинулся к Галине, собираясь внушительным шепотом изложить ей свой коварный план.

8

План Германа состоял в том, чтобы заманить Тефина в цирк и там скормить его тиграм.

— Кто к нам с тиграми придет, тот от тигров и погибнет! — афористично выразил Герман свою мысль, изложив Галине план убийства Тефина.

— Идея замечательная, — согласилась Галина, — но только как ты заманишь Тефина в этот самый цирк? Не скажешь же ты ему: пошли на тигров посмотрим... Он этими тиграми до конца жизни, наверно, сыт по горло...

— То, что «до конца жизни», это ты верно подметила, — отозвался Герман. — Поскольку жить Тефину осталось от силы сутки.

— Ой, ну откуда у тебя такая уверенность? — продолжала сомневаться Галина.

— А вот сейчас сама все увидишь, — самодовольно улыбнулся Герман. — Точнее — услышишь.

Он достал свою записную книжку, открыл ее на букве «Т» и придвинул к себе телефонный аппарат.

— Володька, привет! — выкрикнул Герман в трубку через полминуты. — Как кто? Не узнал, что ли? Ну ты даешь... Герман это! Герман!.. Тьфу ты, ну что значит «какой Герман»? Что, у нас

ХЛОПУШКА С ПРИЦЕЛОМ

Германов вокруг много... Нет, не Титов. — Герман зажал трубку рукой и обратился к Галине: — Вообрази, он решил, что я — Титов. Ну, космонавт номер два... Делает вид, что знаком с ним. Так я ему и поверил... — Он убрал руку и продолжил в трубку: — Володька, кончай дурака валять. Это Графов тебе звонит. Гра-фов. Тебе слышно, что ли, плохо? — Герман вновь зажал рукой трубку. — Галя, что-то он совсем уже... Делает вид, что меня не узнает!.. Але, Володька, давай встретимся у магазина «Продукты» и поговорим нормально. Ну, у «Продуктов» на Кропоткинской! Ты же там живешь, я помню... И я совсем неподалеку... Что? Через двадцать минут будешь? Хорошо, жду тебя.

Герман бросил трубку на аппарат и недовольно фыркнул.

— Мне всегда нравится твоя самоуверенность, — заметила Галина, — но иногда все же стоит не говорить «гоп» заранее...

— Это не в моих правилах, — отмахнулся Герман. — Я говорил и буду говорить «гоп», когда не сомневаюсь, что перепрыгну.

— Он тебя даже не узнал, — покачала головой Галина.

— Галочка, ты меня умиляешь, — любовно посмотрел на нее Герман. — Вот уж поистине святая простота... Где ему меня не узнать? Он зазнался просто! Снял свою пошлую кинокомедию, получил свой дешевый успех — ну вот и возомнил себя теперь невесть кем... Уже за это он за-

служивает быть сожранным, — добавил Герман после паузы. Затем посмотрел на часы и вздохнул: — Ну что ж, пойду. Если он и дальше продолжит выкаблучиваться, я его, ей-богу, прямо там и придушу...

— Нет-нет, — иронически запротестовала Галина. — Вот если бы твой Тефин «Отелло» снимал, его можно было бы придушить. А в противном случае — никак нельзя!

— Ты, как всегда, права, моя умница, — Герман ласково чмокнул ее в переносицу. — Ну ладно, пойду. Заодно в «Продукты» зайду. Что купить?

— Молоко, — сказала Галина. — Только в бутылке, а не в пакете, а то опять протечет... Потом масло, хлеб... ну и мясо.

— А кукурузу? — пошутил Герман.

— Если только сам ее будешь грызть, — усмехнулась Галина.

— А газету взять?

— В «Продуктах»? — удивилась Галина.

— Нет, там же рядом киоск.

— Тогда возьми.

— Какую?

— «Вечерку». И «Литературку». И «Огонек» еще можно.

— А «Новый мир»? — спросил Герман.

— Лучше не надо, — поморщилась Галина. — После пресловутого «Ивана Денисовича» вообще не хочу этот журнал читать...

Когда через двадцать минут Герман подошел к магазину «Продукты», Тефин уже стоял там с полной авоськой в руках.

— А, так это ты, — сказал Тефин, вяло отвечая на энергичное рукопожатие Германа. — А я думаю: какой Герман? Что за Герман?..

— Ясно все с тобой, — усмехнулся Герман. — Зазнался просто.

— С чего бы мне зазнаваться? — как будто искренне удивился Тефин.

— Да брось уже это кокетство, — махнул на него Герман. — Вся Москва афишами твоего «Полосатого рейса» завешана.

— Ну и что? — пожал плечами Тефин.

— Как что?! — недоуменно посмотрел на него Герман.

— Ну, мне-то что с того, что вся Москва завешана афишами?

— Да как же? Успех, популярность...

— Я за этим не гонюсь, — покачал головой Тефин.

Герман едва не задохнулся от ярости. «Вот ты, значит, как. Хуже Жнейцера, ей-богу. Ну ничего, может, в пасти тигра одумаешься... Хотя уже поздно будет».

А вслух Герман вполне дружелюбно предложил:

— Володька, пойдем завтра в цирк?

— Чего? — вытаращился на него Тефин.

— В цирк, говорю, — невозмутимо повторил Герман. — Там тигры, кстати, будут.

— Это неостроумно, — покачал головой Тефин.

— Какое остроумие? Я серьезно. Ты ведь Генриха знаешь?

— Что еще за Генрих? — нахмурился Тефин.

— Опять ты за свое, — неодобрительно покачал головой Герман. — Генрих Оганисян, коллега наш.

— С «Мосфильма»?

— Нет, он на Горьковской студии.

— Я там никого не знаю, — развел руками Тефин.

— Так-таки и никого? — фыркнул Герман. — Что, даже Хвостощкого?

— Я с ним лично не знаком, — сказал Тефин.

— И с Оганисяном, стало быть, тоже заочно только?

— Нет, о нем я и не слышал. Он режиссер? Что снял?

— «Девичья весна»... «Приключения Кроша»... — стал перечислять Герман.

— Увы, — вздохнул Тефин. — Первый раз слышу такие названия.

Герман поглядел на него внимательно:

— Ты, видно, из тех, кто только собственные картины смотрит, да?

— Ну, нельзя же за всем уследить, — хмыкнул Тефин.

— Кроме как за собой, — не унимался Герман.

ХЛОПУШКА С ПРИЦЕЛОМ

— Слушай, я что-то не понимаю, к чему ты клонишь... — недовольно сказал Тефин.

— Да брось, старик, все в порядке. — Герман улыбнулся и хлопнул Тефина по плечу. — Я ведь только затем тебе позвонил, чтобы позвать завтра на съемки к Генриху...

— Я с ним не знаком, я уже сказал... — начал Тефин, но Герман перебил:

— Да погоди ты! Дай договорить. Генрих завтра снимает в цирке сцену с тиграми. Ему там буквально крошечный эпизод снять... И вот он хотел, чтобы ты туда пришел и что-нибудь ему подсказал... Ты же у нас теперь главный специалист по тиграм...

— Ну, не я один, — слегка улыбнулся Тефин. — Кошеверова еще — такой же специалист. Она ведь «Укротительницу тигров» снимала.

— Так это когда было! — протянул Герман. — И она вообще из Ленинграда. И пожилая женщина... Короче, Генрих именно тебя хотел позвать. Как консультанта на один съемочный день.

— Что же он сам мне не позвонил? — недоверчиво спросил Тефин.

— Он скромный малый, — не моргнув глазом, соврал Герман. — Ну так что ему передать? Придешь завтра?

— Ну, приду, раз такое дело, — вздохнул Тефин. — Куда и во сколько?

— В Цирк на Цветном. К полудню.

— Хорошо, — кивнул Тефин, затем посмотрел на свою авоську и раздраженно крикнул.

Треугольный пакет молока дал течь, и под ногами уже успела набежать небольшая белая лужа.

— Вот ты раззява! — от души расхохотался на прощанье Герман. — В другой раз в бутылке молоко бери...

И, все еще посмеиваясь, Герман скрылся в дверях магазина.

10

На самом деле съемки в цирке были назначены режиссером Оганисяном на одиннадцать часов. К этому времени туда прибыл и Герман.

— Привет, старик! — поздоровался он с Оганисяном.

— Привет, привет, — отозвался режиссер. — Ты какими судьбами здесь?

— Сам же мне говорил, что сегодня тут снимаешь, — напомнил Герман.

— Ах да, — сказал Оганисян. — Но я не думал, что ты придешь...

— А с чего бы мне и не прийти? — хмыкнул Герман.

— Ну раз пришел, давай я тебя представляю... — Оганисян обвел руками арену, на которой расположилась съемочная группа. — Это наш оператор — Шумский Вячеслав... Это молодые наши актеры — Женя Жариков и Андрюша Миронов... Андрей, кстати, сын Мироновой и Менакера, помнишь, небось, таких?

ХЛОПУШКА С ПРИЦЕЛОМ

— Как же, как же, — отозвался Герман, крепко пожимая руку Миронова. — Сызмальства рукоплещу вашим батюшке и матушке...

— Ну, а это... — хотел было представить Оганисян артисток Фатееву и Кустинскую, но Герман громогласно перебил его:

— Да ладно, Генрих, перестань! Уж с этими двумя Наташками я как-нибудь и без тебя знаком...

Фатеева и Кустинская переглянулись, после чего на всякий случай несмело улыгнулись Герману, которого совершенно не помнили.

Герман подмигнул артисткам, после чего взял Оганисяна за локоть:

— Можно тебя на минуту?

— Ну что, что такое? — забеспокоился режиссер.

— Здорово ты их вырядил, — усмехнулся Герман, кивая на двух Наталий, облаченных в костюмы дрессировщиц. — Прямо двойная порция секса какая-то...

— Порция, порция, — повторил Оганисян. — Ты за этим меня отвлек?

— Нет, не за этим, — посерьезнел Герман. — Тут такое дело, старик... Сюда сейчас Тефин заглянет...

— Какой Тефин? — перебил Оганисян.

— Ну вот все вы как на подбор! — всплеснул руками Герман. — Горазды притворяются, что друг друга не знаете... Повесть «Коллеги» Аксенов про вас вряд ли стал бы писать...

— Да я и впрямь не знаю никакого Тефина, — пожал плечами Оганисян. — Если он режиссер, то на студии Горького такой точно не работает. А если на вашем «Мосфильме», то...

— Тефин «Полосатый рейс» снял, — устало пояснил Герман.

— А, — сказал Оганисян. — И что дальше?

— И вот он сейчас сюда придет.

— А на кой?

— Объясняю, — Герман доверительно положил руку Оганисяну на плечо. — Понимаешь, Володька возомнил себя главным в Союзе специалистом по тиграм. И у него, видишь ли, ревность выиграла, когда он прослышал, что и ты тигров снимаешь...

— А откуда он об этом прослышал? — хмыкнул Оганисян.

— От верблюда, — парировал Герман. — Не в том сейчас соль, она же суть. Просто совсем расклеился наш Володька. Надо бы его поддержать... Вот он и придет сюда ну вроде как под видом консультанта...

— Слушай, — поморщился Оганисян, — я что-то не понимаю... Что за спектакль вы с этим вашим Володькой собираетесь устроить? Я себе одну съемочную смену здесь на арене выторговал. И то потому, что у них сегодня сандень вроде... Так что не надо мне, пожалуйста...

— Да ты о чем говоришь?! — обиженно прервал Герман. — Никто тебе палки в колеса ставить

ХЛОПУШКА С ПРИЦЕЛОМ

не собирается... Никакого спектакля не будет — все серьезно. Володька, говорю, расклеился...

— Чего это он расклеился? — хмыкнул Оганисян.

— А пес его знает, — пожал плечами Герман. — Вернее — тигр. Тигр его знает! — И он громко захохотал.

— Ладно, — опять поморщился Оганисян, — делайте что хотите, только, чур, мне не мешать. Иначе я вас обоих отсюда выставлю...

И, увидев появившегося на арене дрессировщика, спешно зашагал в его сторону.

11

К полудню, как и обещал, пришел Тефин.

На арене к тому времени уже находились в большой клетке несколько тигров, лев и дрессировщик.

Тефин приблизился к стоящему в стороне Герману:

— Ну и в чем здесь моя консультация нужна? Вон ему дрессировщик сейчас все объясняет... А я ведь не дрессировщик никакой...

— Брось скромничать, — сказал ему Герман. — Ты ведь, старик, потрясую картину про тигров снял. И Генрих тебе за это по-белому завидует...

Тефин хмыкнул:

— Ну, раз так, пойду, что ли, с ним познакомлюсь...

Он двинулся было в сторону Оганисяна, но Герман удержал его за рукав:

— Да погоди! Потом его проконсультируешь, когда все разойдутся. А то он скромничает...

— В каком смысле скромничает? — не понял Тефин.

— Ну, совестно ему, что сам не справляется и вынужден к коллеге обращаться.

— А зачем тогда... — начал Тефин — и тут подозрительно посмотрел на Германа. — Что-то ты темнишь...

— Я? Темню?! — оскорбился Герман.

— Хорошо, — терпеливо сказал Тефин. — Подождем.

Он сел на одно из зрительских мест и стал наблюдать, как Оганисян ставит сцену.

Герман подсел к Тефину.

— Зачем ему моя консультация понадобилась? — недоуменно произнес Тефин через некоторое время. — Он и сам прекрасно справляется...

— Такой уж он, Генрих, — с гордостью за друга произнес Герман. — Вечно стремится к совершенству.

— Как и все мы, — добавил Тефин. Герман, отвернувшись, презрительно скривился.

Вскоре съемки тигров и льва закончились, и униформисты увезли клетку с арены.

Тефин приподнялся, чтобы наконец пройти к Оганисяну, но Герман снова его удержал:

— Подожди, он сейчас еще артистов снимет.

ХЛОПУШКА С ПРИЦЕЛОМ

Действительно, Оганисян и его оператор стали снимать крупные планы актеров.

— Пойдем пока за кулисы прошвырнемся, — небрежно предложил Герман Тефину.

— Зачем? — хмыкнул Тефин.

— Да так просто...

— Нет, ну зачем все-таки?

— Просто так, — повторил Герман. — Покурим.

— Я не курю, — отозвался Тефин.

— Ну, со мной постоишь.

— А что ты здесь не закуришь?

— Я там хочу.

Тефин тяжело вздохнул и нехотя поднялся на ноги.

Обрадованный Герман тоже вскочил. Вскоре коллеги скрылись за кулисами.

Герман безошибочно определил, где находятся тигры, и быстрым шагом проследовал к ним. У клетки он остановился.

— Что, здесь будешь курить? — спросил подошедший следом Тефин. — При зверях?

Герман не отвечал. Он пристально смотрел на массивную защелку на клетке. Пальцы его словно сами собой потянулись к этой защелке... но тут его схватила за кисть крепкая рука Тефина.

— С ума сошел? — прикрикнул он на Германа.

— Зачем так орать? — поморщился Герман, брезгливо вырывая свою руку.

— Да как с тобой не орать... — проворчал Тефин. — Это ведь тебе не котята, а хищники.